

Люди и время

В издательстве «Заря Востока» вышли в свет в переводе на русский язык «Две пьесы» Григола Абашидзе.

С героями первой из этих пьес мы знакомимся в радостный и хлопотливый день переезда на новую квартиру. Семья состоит из матери и трех сыновей — Георгия, мастера цеха коммунистического труда, Левана — талантливого ученого, работающего над проблемой рака, и Гурама, одаренного художника. Георгий, старший из братьев, заменил двум другим рано умершего отца. «Мне было нелегко бросить учебу, идти на завод, — говорит он, — но разве я не видел? Гурам был до того перепачкан красками, что сам напоминал палитру, а ты весь светился, когда возвращался из лаборатории». Но эта жертва легка и радостна, ибо он работает увлеченно, и «в каждой семье должен быть рабочий класс», — заявляет он сам, полушутя, полусерьезно.

В этот день вся семья в сборе, не хватает только Гурама, младшего. Мать и братья говорят о нем заботливо и тревожно. С молодым художником происходит что-то странное: он замкнулся в себе, его публично, в прессе обвиняют «в отрыве от современности». Из всего сказанного о содержании легко может создаться впечатление, что перед нами пьеса, разрабаты-

О книге Григола Абашидзе

вающая морально-бытовую тематику, пьеса закрытой композиции, ограниченная «потолком» комнаты, замкнутая во времени и пространстве. Но произведение не случайно называется «Путешествие в три времени». По мере действия стены трехкомнатной квартиры раздвигаются, даже не раздвигаются, а просто исчезают, и само время, даль истории в ее глубине и исторической перспективе, становится героем повествования.

Гурам по-своему, глубоко и, как ему кажется, непоправимо несчастен. Темные пережитки, «уродливые тени» заслоняют от юности светлый облик настоящего, которое кажется ему «смутным и холодным». Его властно влечет к себе прошлое, где ему греязятся «титаны свободного духа», где, представляется ему, люди были счастливы «просто, как дети», и будущее, «когда все люди будут счастливы и на жизни не останется следов грязи и крови». Действительность отпугивает молодого художника, и ему впору повторить вслед за декадентами: «Уйдем в мечту! Наш мир — фатаморгана». А горькое разочарование в любимой, которая, как ему кажется, изменила их любви, делает жизнь невыносимой. И

Гурам, уже не колеблясь, принимает помощь Учителя (этот образ — символ человека, давно умершего, но живого в мыслях своего ученика, проходит через все три акта пьесы). Учитель вручает ему три волшебных яблока. Отведав одно, Гурам перенесется в прошлое, вкусив другое, он окажется в отдаленном будущем, а третье обладает силой освободить человека от желаний и надежд и даровать ему небытие, если сердце его до краев наполнится тоской. Эти мифологические три яблока играют в движении сюжета роль своего рода машины времени. «Человек и время, человек и история» — так можно было бы определить общую проблематику пьесы, и ее раскрытию подчинены все художественные компоненты: необычное сплетение сюжетных ситуаций, условность и отвлеченность всей художественной ткани, далекость от бытовой достоверности, тяготение к реалистической символике, острота и трагичность конфликтов, элементы мифологического и даже просто сказочного стиля, которые автор своевольно, но очень органично, не нарушая ее реалистической основы, вводит в пьесу. Поэтому, нам кажется, было бы большой ошибкой играть эту пьесу как обычную,

бытовую драму. Необычность составляет своеобразие ее художественной ткани (недаром в подзаголовке стоит характерное — Фантазия в трех действиях).

Итак, Гурам переносится в обетованную страну прошлого, где, как ему кажется, зовы времени не тяготеют над творцом. Перед ним, как кадры на экране, проходят картины из жизни средневекового художника, его своеобразного двойника. Художнику доверили расписать священный храм. Он выполнил заказ, но одухотворил свой труд любовью к жизни, к людям, своими чувствами гражданина и человека. Это тотчас заметил взбешенный католикос. Над «свободным» художником повис карающий меч. Изумленный, потрясенный картинами прошлого, Гурам торопливо устремляется в будущее. Но оно его тоже обманывает, хотя иначе, чем прошлое. Оказывается, что ему, беглецу, пришельцу, предавшему свое время и своих современников, нет места и в будущем. С удивлением узнает Гурам, что люди будущего восхищены и благодарно чтят память поколения, к которому он принадлежит, — ведь оно и жило, и трудилось для того, чтобы стала возможна эта по-

беда молодости, красоты, творческого труда, преобразующего нашу планету. А он сам не захотел разделить трудную и счастливую участь своих современников.

Он не увидел в настоящем ничего, кроме будней, маленьких и злых страстей. Он так небрежно, так снобистски отмахнулся от этой суровой и трудной поэзии, от этой красоты выпослности и мужества, которыми отмечена действительность его времени. И он наказан — вход в будущее для него закрыт.

Все в пьесе — движение сюжета, символика, тональность, даже ремарки — устремлено к тому, чтобы выразить авторскую философию жизни. Всеми средствами Гр. Абашидзе концентрирует читательское внимание на самом существенном для него, на человеке и его отношении к своему времени, на проблемах мировоззрения. Потому так ясно ощутимо присутствие в его пьесе лирического героя, потому так силен здесь авторский голос, голос гражданина и трибуна. Приведу один выразительный пример: люди будущего, обескоенные любовью Нино к Гураму, устанавливают в лаборатории «коэффициент его любви» (они хотя и убедятся, будет ли она с ним счастлива, сумеет ли он ответить на ее любовь?). Оказывается, что «любовь его к родине нейтральна и мало активна... любовь к женщине притуплена ревностью и недоверием». Исходя из этого, «общий коэффициент любви Гурама равен почти ну-

лю». Позвольте, скажет, быть может, читатель, как такое интимное чувство, как любовь к женщине, объединяет с любовью к родине и выводит общий коэффициент? Разве дилкий влюбленный не может быть плохим патриотом и наоборот? Но, как говорил Маркс, «отношение мужчины к женщине есть естественнейшее отношение человека — к человеку, и поэтому в нем наиболее ярко обнаруживается, насколько естественное поведение человека стало человеческим или насколько человеческая сущность стала для него естественной сущностью». Гурам был плохим гражданином, плохим сыном своего времени, он был и плохим возлюбленным, слепым к красоте большого чувства, не верящим в него. В этой философской пьесе, посвященной важнейшим и гуманным идеям современности, как ни неожиданно на первый взгляд, очень сильно комедийное начало. То это добрый и светлый юмор, то сильная и острая сатира. Переплетаясь со сценами, насыщенными драматизмом, комические сцены огненют их и в то же время вносят некоторую разрядку в общую напряженность действия. И вот интересная деталь: смеясь и заставляя нас смеяться, Гр. Абашидзе ни на минуту не перестает размышлять: смеял же берет на вооружение. Приведу пример: братья говорят о том, что Гурама обвиняют в отрыве от современности. Вдруг, неожиданно для всех (и для читателя, который уже достаточно с ним знаком) в разговор вме-

шивается Павле: «Ай-я, яй! Как нехорошо! Это совсем другой колорит. Как же можно от современности отрываться? Прямо смешно, ей-ей! Я рассуждаю так: прошлого не вернуть, а будущее — это что же такое, это фактически загробный мир. Так что мне ни прошлого, ни будущего не нужно! Я, например, от современности ни на шаг». И вспоминает учителя Гурама, который «тоже бежал от современности, а толку что? Так и умер без машины и без дачи».

Вот так понимает Павле призыв «не отрываться от современности». Непринужденно и внешне не тенденциозно, даже вызывая смех, автор сталкивает две разные точки зрения и, обнажая пошлость первой, раскрывает высокой и ясный смысл второй. С двумя разными наполнениями одного понятия встречаемся мы и тогда, когда автор размышляет о недовольстве, его причинах и следствиях. Молодой художник болен недовольством. Именно болен, потому что это тяжелый недуг, иссушающий душу, убивающий вкус к жизни, убивающий и саму жизнь. А ведь существует, говорит Гр. Абашидзе, недовольство иного рода — синоним вечной неуспокоенности. Оно, в сущности, великая движущая сила, без него невозможен прогресс и движение вперед.

Глубокий философский смысл этих рассуждений оживил в памяти аналогичную мысль В. Г. Белинского, выска-

занную более ста лет назад. Как известно, великому критику принадлежит оригинальная интерпретация проблемы демонизма. Понимая демона как грандиозный символ анализирующего разума, как бескойный дух движения вперед, недовольства настоящим, протеста против рутины, Белинский писал: «Он помог Колумбу открыть Америку, он избрал порох и книгопечатание... он уничтожил ошейники вассалов и рыцарские разбои феодальных баронов, священную инквизицию и благочестивые аутодафе...»

Неслучайно от этого крылатого недовольства, противопоставляя его недовольству бескрылому, обкрадывающему человеческую душу, Гр. Абашидзе не освобождает и наших счастливых протомков, людей будущего.

Вторая пьеса в сборнике — драма в стихах «Мать». Не буду останавливаться на ней подробно. Скажу только, что эта пьеса тоже о переключке времен, о торжественном бессмертии жизни, о том, что «живые думают о мертвых, и помогают мертвые живым».

Пьесы талантливо переведены А. Кривцким, М. Лукоциным и А. Межировым.

Доцент Л. ХИХАДЗЕ,
кандидат филологических наук.